

3. Двойная окраска листьев: «Как бронзовой золой жаровень...» (1912), «Женщины в детстве» (1958);
4. Модель жизни, выбор, судьба: «Образец», «Марбург» (1916, 1928), «Женщины в детстве» (1958);

Однако нами были выявлены и новые значения:

5. Хаос, демоническое начало: «Мельницы» (1915, 1928);
6. Творческий застой, пустота: «Кругом семящейся ватой...» (1931), «Приближение грозы» (1927).

Библиографический список

1. Агапкина, Т.А. Ель / Т.А. Агапкина // Славянская мифология : энциклопедический словарь. – Москва : Междунар. отношения, 2002. – 512 с.
2. Кирло, Х. Словарь символов. 1000 статей о важнейших понятиях религии, литературы, архитектуры, истории / Х. Кирло; пер. с англ. Ф.С. Капицы, Т.Н. Колядич. – Москва : ЗАО Центрполиграф, 2010. – 525 с.
3. Пастернак, Б.Л. Сестра моя – жизнь : стихотворения, роман в стихах / Б.Л. Пастернак. – Москва : Эксмо, 2012. – 640 с.
4. Эпштейн, М.Н. Поэзия и сверхпоэзия : О многообразии творческих миров / М.Н. Эпштейн. – Санкт-Петербург : Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. – 480 с.
5. Эпштейн, М.Н. Стихи и стихия. Природа в русской поэзии 18–20 вв. / М.Н. Эпштейн. – Самара : Бахрах-М, 2007. – 352 с.
6. Энциклопедия символов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.symbolarium.ru/index.php/> (дата обращения: 13. 10. 2019г.)

**Вдовыдченко Д.С., студентка 4 курса Лингвистического института
Кочешкова И.Ю., кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии**

Алтайский государственный педагогический университет
г. Барнаул

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ДЕТСКОЙ КАРТИНЫ МИРА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ КЭТРИН МЭНСФИЛД

Аннотация. Данная статья посвящена анализу языковых средств репрезентации детской картины мира, используемых в произведениях К. Мэнсфилд. В исследовании рассматриваются понятия картины мира, её видов, а также раскрывается взаимосвязь возрастных особенностей и языковых средств, средств образности, используемых в речи ребенка.

Ключевые слова: языковая картина мира, художественная картина мира, авторская картина мира, детская картина мира, художественный символ, художественная деталь, образность, метафора, сравнение, олицетворение.

**D.S. Vdovydchenko,
I.Yu. Kocheshkova**

LANGUAGE REPRESENTATION OF CHILDREN'S PICTURE OF THE WORLD IN KATHERINE MANSFIELD'S WORKS

Abstract. This article focuses on the analysis of language means used in children's world image in Katherine Mansfield works. The research presents the notions of world image and its kinds, reveals

the connection between the age of the characters and language means, primarily imagery, employed in children's speech.

Keywords: language picture of the world, artistic picture of the world, author's picture of the world, children's picture of the world, artistic symbol, artistic detail, imagery, metaphor, simile, personification.

Антропоцентризм как центральный принцип лингвистики с конца 20 – начала 21 века вызвал интерес, во-первых, к исследованиям идиостилей отдельных авторов, во-вторых, – к исследованиям языковой личности, как реальной, так и вымышленной. Это обусловило актуальность избранной нами темы исследования.

С давних времен человек стремится обобщить представления о природе, обществе, человеке, сформировав при этом представление об устройстве мира, его картину. Проблема изучения картины мира имеет множество аспектов, как и сам многозначный термин «картина мира». С точки зрения различных отраслей знания и параметров ученые выделяют их различные оппозиции: глобальную и частную, общенаучную, частнонаучную и наивную, индивидуальную и национальную, первичную и вторичную, поэтическую (художественную) и публицистическую, языковую и концептуальную картины мира.

Изучению взаимодействия художественной, индивидуально-авторской и языковой картин мира посвящены современные исследования в области лингвистики и стилистики текста. Главной причиной такого внимания и интереса является наличие у художественного текста как творческого продукта автора определенных, свойственных только ему, индивидуальных художественных и языковых черт. Художественный текст есть результат речемыслительной деятельности автора, в которой отражается видимая и интерпретируемая им картина мира. Исходя из этого, можно сказать, что в одном художественном произведении эксплицируется как художественная, индивидуально-авторская, так и языковая картины мира. При этом они взаимодействуют и влияют на картину мира реципиента. Художественная картина мира возникает в сознании читателя (зрителя, слушателя) при восприятии им художественного произведения.

Язык выступает как посредник между человеком и картиной мира: «в языковом знаке закрепляются и реализуются результаты отражательной и мыслительной деятельности человека» [1, с. 130]. Языковая картина мира – это интегральная система, формирующая остальные картины мира, так как человек способен понимать мир благодаря языку, в котором закрепляется и отражается национальный и общественно-исторический опыт [2]. Языковая картина мира создается следующими языковыми средствами:

- номинативными средствами языка – лексемами и фразеологизмами, обеспечивающими то или иное членение и классификацию объектов действительности, значимым отсутствием номинативных единиц (лакунарностью разных типов);
- грамматическими средствами языка;
- функциональными средствами языка – отборе наиболее частотной лексики и фразеологии для общения, то есть состава коммуникативно релевантных языковых средств
- образными средствами – направлениями развития переносных значений, внутренней формой языковых единиц, национально-специфической и индивидуальной образностью;
- фоносемантикой языка;
- дискурсивными средствами языка – специфическими средствами и стратегиями текстопостроения, аргументации, ведения спора, диалога, построения монологических текстов, особенностями стратегий и тактик коммуникативного поведения в стандартных коммуникативных ситуациях, приемами построения текстов разных жанров, например, афоризмов, анекдотов [3, с. 19].

Индивидуальная картина мира не статична, она изменяется на протяжении жизни индивида. Согласно М.Я. Блоху, в жизни человека выделяется семь этапов эволюции картины мира: «Эти последовательные сменяющие друг друга этапы – сменяющие друг друга картины мира можно назвать терминами, соответствующими градациям возрастного

статуса человека: младенческая, детская, отроческая, юношеская, раннезреловозрастная, среднезреловозрастная и позднезреловозрастная...Вторая картина мира – детская. Эта картина мира совмещает чувственную с развивающейся языковой...» [4, с. 5]. Знания об окружающем мире дети накапливают в быту, на прогулках, в разных видах деятельности. У детей разных возрастов представления о мире рознятся, поскольку от возраста зависит количество усвоенной информации. Познавая мир, жизнь, дети часто сравнивают новые понятия с тем, что уже им знакомо.

Именно представители детского и отроческого периодов становятся частыми героями психологической прозы Кэтрин Мэнсфилд. Наиболее популярными темами ее рассказов являются безнравственность, духовная бедность, социальное расслоение, одиночество. Писательнице с особой точностью удается отразить тонкий внутренний мир и мировоззрение детей. В рассказах К. Мэнсфилд, для которых характерен полифонический тип повествования, индивидуально-авторская картина мира писательницы зачастую эксплицируется во внутренней и несобственно-прямой речи персонажей-детей и подростков, что составляет своеобразие её художественной картины мира. Авторская художественная картина мира – это специфическая форма мировосприятия, которая выступает как альтернатива реальному миру и представляет собой результат внутренней работы автора, его творческой деятельности [5]. Исследователи «художественных миров», в зависимости от поставленной цели, фокусируют внимание на различных компонентах этого комплексного понятия, важных для анализа произведений того или иного автора. Такими компонентами могут быть образная система, образ автора, символ, хронотоп, формы авторской субъективности, элемент игрового начала, различные эмоциональные оттенки и др. [6]

Рассмотрим художественные символы, репрезентирующие мировосприятие ребёнка в рассказах К. Мэнсфилд. Символом во многих рассказах о детях становится повторяющаяся художественная деталь. Первоначальная окказиональность связи между деталью и представляемым ею понятием при неоднократной повторяемости выражающего ее слова в пределах данного текста делает эту деталь символизирующей. Как отмечает В.А. Кухаренко, «переменный, случайный характер связи между понятием и отдельным его проявлением требует пояснения их отношений, поэтому символизирующая деталь всегда сначала употребляется в непосредственной близости от понятия, символом которого она будет выступать в дальнейшем. Повторяемость же узаконивает, упрочивает случайную связь, аналогичность ряда ситуаций закрепляет за деталью роль постоянного репрезентанта явления, обеспечивает ей возможность независимого функционирования» [7, с. 117]. Деталь, как правило, выражает незначительный, сугубо внешний признак многостороннего и сложного явления. Это может быть тем, что заметил ребёнок и интерпретировал взрослый повествователь и реципиент. «Само существование феномена художественной детали связано с невозможностью охватить явление во всей его полноте и вытекающей из этого необходимостью передать воспринятую часть адресату так, чтобы последний получил представление о явлении в целом» [7, с. 118].

Одним из наиболее популярных рассказов К. Мэнсфилд является «Кукольный домик» (*Doll's House*). В данном произведении отражаются такие темы, как социальное расслоение общества, а также влияние модели поведения взрослых на поведение детей. В начале рассказа девочкам из семьи Бернел в подарок присылают настоящий кукольный домик. Главная героиня рассказа Кези, восхищаясь подарком, первым делом подмечает крошечную лампу, которую она воспринимает как бьющееся сердце дома:

(1) *But what Kezia liked more than anything, what she liked frightfully, was the lamp* [8].

Родители девочек позволяют приводить подруг во двор, где стоит домик. Спустя какое-то время все девочки из школы видят его, кроме сестер Келвей. Им не дозволено разговаривать со многими из школы, ведь они дочери прачки и растут без отца. Кроме того, Элс, ребёнок «не от мира сего», бледная, будто немая и умственно неполноценная, всегда держащаяся за подол старшей сестры, вызывает отвращение и насмешки других детей. Тема

кукольного домика становится самой обсуждаемой в школе, но Лил и Элс Келвей приходится лишь слушать и воображать его. Кези решается позвать девочек и показать им кукольный домик. Сомневаясь, сестры заходят во двор и любуются домиком. Их прогоняют взрослые, Лил и Элс в страхе убегают, но на лице Элс впервые появляется счастливая улыбка, и она впервые произносит несколько слов:

(2) *«I seen the little lamp»* [8].

Лампа становится центральным символом в рассказе. Она символизирует надежду и доброту. Кези в начале рассказа – единственная, кто заметил всю прелесть лампы, ее правдоподобность и теплоту, исходящую от нее. Ей обидно, что старшие сестры и другие девочки «недооценивают» её любимицу. Примечательно, что в кукольном домике внимание Кези привлекли не кукольные родители и их дети, а именно маленькая лампа. Парадоксально, но игрушки, призванные изображать настоящих людей, кажутся Кези чужеродными, мертвыми, неподвижными, а настоящей хозяйкой дома, живым персонажем, с которым ребёнок ведёт диалог, становится лампа:

(3) *But the lamp was perfect. It seemed to smile at Kezia, to say, " I live here." The lamp was real* [8].

В конце рассказа именно странная малышка Элс Келвей также обратила свое внимание на лампу. Обе девочки, несмотря на свою принадлежность к разным классам, питают нежные чувства к лампе, восхищаясь ею. Детям не важно социальное неравенство, они вполне могли бы стать друзьями. Лампа показывает душевную общность персонажей, отличающихся от своих ровесниц более глубоким, искренним, чистым мироощущением.

Отличие Кези от девочек и женщин её круга – нелюбовь к чопорным нарядам, в которых нельзя вволю поиграть, к скучным ритуалам приёма гостей. Она предпочитает в одиночестве делать то, что отнюдь не пристало «светской леди» – раскачиваться на воротах.

(4) *Isabel and Lottie, who liked visitors, went upstairs to change their pinafores. But Kezia thieved out back. Nobody was about; she began to swing on the big white gates of the courtyard* [8].

Белый забор и ворота, на которых качалась Кези, – ещё одна важная деталь, приобретающая в рассказе символическое значение. Забор означает превосходство семьи Бернел над другими, поскольку он ограждает участок от окружающего мира, и вход туда строго регламентирован. Кези позволяет перейти через порог классовых различий сестрам Келвей, иначе говоря, стирает границу между социальными группами.

Разница между восприятием окружающего мира детьми и взрослыми ярко отобразилась и в образности, в частности, в семантике компаративных тропов (образном сравнении, метафоре, олицетворении).

Посмотрев, как открывается кукольный дом, Кези с ее живым и фантазийным мировосприятием тут же представляет, что на прогулке глубокой ночью сам бог с ангелом видят дома полной картинкой, подмечая сразу все одновременно, как в момент открытия домика видит его девочка.

(5) *Perhaps it is the way God opens houses at the dead of night when He is taking a quiet turn with an angel...* [8].

Ребёнок чувствует себя властелином своего игрушечного мира, его ангелом или даже богом.

В употреблении средств образности мы проследили определенную закономерность: во многих произведениях автор использует сравнения с животными, что подчёркивает близость ребёнка к миру природы, непрерывную симпатию между животными и детьми, идентификацию и самоидентификацию ребёнка с маленьким, не всегда внешне привлекательным, но часто уязвимым и беззащитным существом. Так, в рассказе «Кукольный домик» мы можем уловить нотки печальной жалости к другим, которую ощущает Кези, воспринимая бедных сестёр как маленьких и жалких животных:

(6) *She was a tiny fishbone of a child, with cropped hair and enormous solemn eyes—a little white owl* [8].

(7) *Like two little stray cats they followed across the courtyard to where the doll's house stood [8].*

(8) *And she stepped into the yard and shooed them out as if they were chickens [8].*

Сходную стилистическую функцию выполняет образность в рассказе «Прелюдия» (*The Prelude*):

(9) *But Lottie staggered on the lowest veranda step like a bird fallen out of the nest [8].*

(10) *<...> he began to do exercises. Deep breathing, bending and squatting like a frog and shooting out of his legs»[8].*

(11) *You look like a big fat turkey [8].*

Ассоциации с уже знакомыми явлениями природы помогают ребёнку описать и осознать новые ощущения в чувственном восприятии мира, который порой может быть пугающим и даже зловещим:

(12) *She could feel the sticky, silky petals, the stem, hairy like a gooseberry skin... [8]*

(13) *When she did it in a long plait she felt it on her backbone like a long snake.*

В рассказе «У залива» (*At the bay*) девочка предчувствует перемены в жизни, которая, подобно ветру, вот-вот оторвёт её от родных ветвей:

(14) *... And, lying in her cane chair, Linda felt so light; she felt like a leaf [8].*

Ещё одной особенностью передачи детского мировосприятия в произведениях К. Мэнсфилд является использование образа лакомства в описании предметов окружающего мира. Одной из важных особенностей детского мировосприятия является потребность «познать мир на вкус», ведь именно тактильные и вкусовые ощущения являются самыми первыми ступенями познания мира с первых дней жизни младенца. Дети ощущают вкус намного ярче, чем взрослые. Именно поэтому автор использует сравнения с едой; особенно яркими выступают образы сладостей.

(15) *And good little Rags ran up and down, pouring in the water that turned brown like cocoa [8].*

(16) *...and the door, gleaming with yellow varnish, was like a little slab of toffee [8].*

Это описание очень живо воспроизводит даже во взрослом читателе извечное желание ребёнка лизнуть всё блестящее, видеть притягательное угощение в любой яркой вещице.

Детям присуще жить в воображаемом мире, где окружающие неодушевленные вещи вдруг превращаются в нечто живое, обладающее душой и способное разговаривать (выше мы уже приводили пример образа маленькой лампы).

В рассказе «Первый бал» (*Her First Ball*) юная девушка-подросток воображает, что её первым партнером по танцам стало такси, на котором она ехала:

(17) *Perhaps her first real partner was the cab. <...> ...the bolster on which her hand rested felt like the sleeve of an unknown young man's dress suit [8].*

Лейла возбужденно ждала момента, когда она сможет выйти в центр бального зала и закружиться в танце с кавалерами. Ей казалось, что все вокруг уже двигалось в такт беззвучной музыке:

(18) *A great quivering jet of gas lighted the ladies' room. It couldn't wait; it was dancing already [8].*

(19) *...little quivering coloured flags strung across the ceiling were talking [8].*

А музыка, которую девушка услышала впервые на балу, казалось, не звучала, а летела:

(20) *...great wave of music that came flying over the gleaming floor, breaking the groups up into couples, scattering them, sending them spinning [8].*

Познание не отдельного аспекта, а жизни как таковой, которое внезапно может озарить юного персонажа, резюмируется в метафорах и образных сравнениях, где обозначающим выступают близкие и знакомые понятия, при этом они непосредственно связаны с тематикой рассказа и происходящими в них событиями:

- (21) *Life is a dance (Her First Ball)* [8].
(22) *Life is a game of cards (New Dresses)* [8].
(23) *Life is like wind (At the Bay)* [8].

Дети обладают безграничной фантазией. Они способны создать новый волшебный мир вокруг себя, олицетворяя окружающие их предметы, а обыденные вещи – окружающие предметы (платья, кукольный домик, лампа, забор), природа (растение, птица, животное) – приобретают образное и символическое значение. Ребёнок часто видит то, чего не видит взрослый. Если взрослым важно, что о них подумают окружающие, то дети не обращают на это внимание. Им важны отношения между людьми и их не беспокоит, к какому классу принадлежит тот или иной человек. Мир детства неповторим, он отличается от мира взрослого. Детям присуще создавать сказку, где окружающие вещи приобретают способность говорить, или придумывать игру, где они копируют поведение взрослых. Дети воспринимают окружающий жестокий мир с присущей им добротой и наивностью. В рассказах Кэтрин Мэнсфилд через наивность детей обнажается ложь, корысть, цинизм и бессердечие в мире взрослых людей.

Таким образом, более глубокое понимание рассказов К. Мэнсфилд, декодирование их основных идей, может быть достигнуто путём анализа воссозданной в них детской картины мира через интерпретацию символизирующей детали и семантической структуры языковой образности. Перспективным может быть дальнейшее их изучение в аспекте анализа образных парадигм, а также рассмотрение возрастного фактора создания индивидуально-авторской картины мира в сочетании с гендерным фактором, поскольку в центре внимания автора чаще всего не просто сознание ребёнка, а мировосприятие девочки.

Библиографический список

1. Фесенко, И.М. Современная картина мира и ее отражение в английском языке/И.М. Фесенко // Вісник Запорізького державного університету. Філологічні науки. – 2001. – № 4. – С. 130–132.
2. Маслова, В.А. Лингвокультурология / В.А. Маслова. – Москва : Изд. Центр «Академия», 2001. – 208 с.
3. Чарыкова, О.Н. Роль глагола в репрезентации индивидуально-авторской модели мира в художественном тексте : специальность 10.02.01 «Русский язык» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / О.Н. Чарыкова. – Воронеж, 2000. – 327 с.
4. Блох, М.Я. Проблема картины мира в современном философском языкознании / М.Я. Блох // Культура как текст : сб. научных статей. – Москва : Смоленск : Универсум, 2006. – Вып. 6. – С. 3–6.
5. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – Москва : Искусство, 1986. – 300 с.
6. Кочешкова, И.Ю. Компаративные тропы как отражение авторского мировосприятия в творчестве Дж. Фаулза : специальность 10.02.04 «Германские языки» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / И.Ю. Кочешкова. – Барнаул, 2004. – 174 с.
7. Кухаренко, В.А. Интерпретация текста / В.А. Кухаренко. // Учеб. пособие для ст-тов пед. институтов по специальности «Иностранные языки». – Ленинград : Просвещение, 1978. – 327 с.
8. Mansfield, K. *The Doves' Nest and Other Stories.* / K. Mansfield. – London : Penguin Books, 1991. – 64 с.– URL: <http://nzetc.victoria.ac.nz/tm/scholarly/tei-ManDove-t1-body1-d2.html> (дата обращения: 10.12.2019)